

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Политика промышленного протекционизма, проводившаяся правительством на рубеже XIX–XX вв., оказывала противоречивое влияние на положение различных социальных слоев российского общества. Для многих представителей аграрных интересов последствия этого курса были весьма болезненными, что вызывало его жесткую критику.

Ключевые слова: Россия, индустриализация, аграрный сектор, тарифы, либералы, консерваторы, неонародники, бюрократия.

Стержнем экономической политики, проводившейся российским правительством в конце XIX – начале XX в., являлся промышленный протекционизм, призванный оградить на первых порах молодую российскую индустрию от иностранной конкуренции.

Покровительственная политика по отношению к отечественной промышленности осуществлялась правительством и в 1880-х годах, когда финансовое ведомство возглавлял И.А. Вышнеградский. Он считал необходимым «систематически пересматривать весь наш таможенный тариф в покровительственном смысле» и незадолго до своей отставки добился принятия соответствовавшего этому принципу таможенного тарифа 1891 г. [6, с. 143–144]. Последовательное проведение в жизнь этой политики в 1890 – начале 1900-х гг. справедливо связывают с именем министра финансов России в 1892–1903 гг. С.Ю. Витте. Необходимо отметить, что полномочия главы финансового ведомства были чрезвычайно широки, поскольку, как говорил сам С.Ю. Витте, министерство финансов вплоть до 1906 г. было фактически и министерством торговли и промышленности [2, с. 262].

Уже к началу 1900-х гг. представители различных социальных слоев начали ощущать первые позитивные результаты проводимой правительством политики индустриализации и осознавать, что она отвечает стратегическим интересам страны. В то же время реализация дан-

---

¹ Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, sbesp@mail.ru, Россия, г. Москва.

ного курса требовала серьезных жертв со стороны большинства населения; естественно поэтому, что вопрос о соотношении цели и средств, о той цене, которую может и должна заплатить Россия за форсированную индустриализацию, в течение долгого времени находился в эпицентре общественной борьбы. Оппоненты Витте акцентировали внимание на таких издержках реформ, как ошутимое удорожание вследствие протекционизма большинства промышленных товаров (отечественных и импортных), высокие налоги, прежде всего косвенные, сокращение доходов от продажи российского зерна на мировом рынке. Отмечалось также отсутствие полноценной конкурентной среды, учредительская активность, принимавшая порой нездоровые формы, чрезмерная ориентация многих промышленников на государственные заказы. Все это в сочетании с опасениями по поводу жизнеспособности нарождавшейся отечественной промышленности, а также с недовольством чрезмерным разрастанием, по мнению критиков «системы Витте», экономических функций государства делало неизбежной резкую критику правительственного курса и существование мощной оппозиции ему. В конце XIX в. в экономике России все более заметным становилось отставание сельского хозяйства, сохранявшего свою ведущую роль, от ускоренно прогрессирующей индустрии. В последнее десятилетие XIX в. темпы роста промышленного производства оказались примерно в 8 раз выше, чем сельскохозяйственного (130 % против 17 %) [15, с. 244].

Особенно острый характер полемика приобрела в начале 1900-х годов, в период поразившего отечественную промышленность кризиса, который дал основание противникам Витте поставить под сомнение результаты проводившейся им политики. В этой полемике одним из ключевых являлся вопрос о воздействии покровительственной политики по отношению к промышленности на ситуацию в российской деревне.

Указывая на «неисчислимые выгоды», которые может получить страна от протекционизма, С.Ю. Витте отмечал, что применение «народного труда станет более производительным», потребности населения во всех основных товарах будут в значительной степени удовлетворяться продуктами своего собственного производства. Ввоз же иностранных товаров будет обуславливаться «не нашей промышленной немощью, а естественным международным разделением труда, при котором промышленно развитая страна покупает за границей только то, что ей невыгодно у себя производить». Постоянный рост обрабатывающей промышленности, сопровождающийся удешевлением ее продукции, приведет к снижению общего уровня цен на внутреннем рынке, а также даст возможность стране «экспортировать преимущественно... промышленные изделия». Со временем получит развитие эквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством, рас-

ширится и окрепнет по своей покупательной способности внутренний рынок, в том числе хлебный, увеличится платежеспособный спрос населения, следовательно, станет возможным определенным рост цен на сельскохозяйственную продукцию, что приведет к увеличению доходности земли, улучшению ее технической обработки и, таким образом, к общему росту сельскохозяйственного производства и благосостояния населения [3, с. 178–180].

Как видим, Витте считал, что только индустриализация страны может стать основой для последующего подъема аграрного сектора российской экономики. Соответственно, министр финансов и его единомышленники были убеждены в том, что протекционистская политика отвечает коренным интересам всего населения страны, в том числе и аграриев. При этом Витте был противником прямых государственных капиталовложений в сельское хозяйство, поскольку считал их малоэффективными. Он полагал необходимым воздействовать на аграрный сектор экономики через ускорение общего экономического развития России [5, с. 192].

Это убеждение разделяли многие известные экономисты и общественные деятели. Весьма характерна позиция Д.И. Менделеева, считавшего себя специалистом в вопросах сельского хозяйства. Д.И. Менделеев еще в начале 1860-х гг. приобрел в Подмосковье около 400 десятин земли, и за 5–6 лет ему удалось «по крайней мере удвоить всю урожайность». Великий ученый-химик не без гордости вспоминал, что сам профессор И.А. Стебут привозил студентов Петровской сельскохозяйственной академии осматривать его хозяйство [10, с. 18]. Д.И. Менделеев полагал, что сельское хозяйство прямо нуждается в развитии обрабатывающей промышленности, поскольку, во-первых, при увеличении численности и росте благосостояния населения, занятости промышленной деятельностью, повышаются возможности для сбыта сельскохозяйственной продукции; во-вторых, «рациональное промышленное сельское хозяйство приобретает наибольшие выгоды от применения торговых и фабрично-заводских товаров, например искусственных удобрений, усовершенствованных машин и, главное, капиталов, которые нужны для сельскохозяйственных оборотов так же, как и для всякой другой промышленности». Именно поэтому Менделееву представлялся весьма «нерациональным тот ропот наших сельских хозяев противу протекционизма промышленности, который часто слышен», соответственно, «сельские хозяева, бурлящие противу капитализма, сами себе подрезывают ноги и поступают очень неразумно» [10, с. 29–30].

Д.И. Менделеев был убежден, что государство должно заботиться прежде всего о развитии обрабатывающей промышленности; что же касается сельского хозяйства, то оно «неизбежно разовьется само собой по мере развития других видов промышленности». По мнению

Менделеева, добиться повышения урожайности и вообще достигнуть каких бы то ни было «усовершенствований в сельском хозяйстве... совершенно немыслимо без затраты громадных капиталов, последние же могут накапливаться только при помощи развития... индустрии, или капиталистической промышленности. Избегать ее распространения — значит поэтому оставлять и само сельское хозяйство без капиталов, т.е. без коренных современных улучшений при низких и неуверенных урожаях, т.е. не заботиться о развитии народного богатства и благосостояния». Важнейшими же составляющими собственно сельскохозяйственных улучшений Менделеев считал введение многополья, обильное удобрение почвы, использование машин и организацию «правильного скотоводства» [10, с. 26].

Однако, повторим, последовательное проведение протекционистской политики требовало серьезных жертв со стороны большинства населения. А это, в свою очередь, предопределило наличие серьезной оппозиции правительственному курсу.

Многие аргументы против промышленного протекционизма были сформулированы еще в трудах экономистов-народников 1880-х — начала 1890-х гг. Так, например, В.П. Воронцов утверждал, что теория протекционизма есть учение, «противное нравственному чувству и несовместимое с простотой и гармоничностью, наблюдаемыми во всех естественных законах... Религия и опыт одинаково поучают, что высшее благо каждого должно искать в благополучии всех; что в своих истинных интересах люди солидарны, а не враждебны... Теория же протекционизма, напротив того, предполагает противоположность национальных интересов; она учит, что выгода одного народа есть потеря для другого» [1, с. 5]. Кроме того, всякий протекционизм неизбежно «стесняет то, в чем нуждаются сами покровительствуемые», т.е. потребление. Поэтому «не от иностранцев защищает нас тариф, а от нас самих» [1, с. 9].

Против насаждения промышленности выступал и известный экономист-народник Н.Ф. Даниельсон. По его словам, если вначале «особенным предметом поощрения» со стороны государства являлись железные дороги, то постепенно покровительственная политика стала распространяться на все новые отрасли добывающей и обрабатывающей капиталистической промышленности», причем по мере развития этой промышленности увеличивалась и степень покровительства ей [12, с. 5]. Крупнейший теоретик неонародничества В.М. Чернов полагал, что правительство своей политикой содействует развитию в России «особого, специального вида капитализма, именно капиталистического паразитизма». Вообще, по мнению Чернова, чем позднее та или иная страна вступает на путь индустриального развития, тем болезненнее оказываются «те метаморфозы, которые связаны с завоеванием капитализмом внутреннего рынка, разрушением натурального

хозяйства, отлучением производителей от средств производства... и т.д.; тем резче для нее хозяйственный поворот». В то же время в условиях низкой конкурентоспособности национальной промышленности не только на внешнем, но и на внутреннем рынке «для буржуазии пропорционально возрастает потребность во внешней поддержке, покровительстве, даже опеке». Таким образом, «прогрессивное, творческое значение или, если угодно, «европеизм» буржуазии... стоит в обратном отношении к времени выступления страны на путь капиталистического развития» [17, с. 156–157].

Негативная оценка покровительственной политике давалась и многими социал-демократами, в т.ч. В.И. Лениным. Считая, что протекционизм служит интересам даже не всего класса буржуазии, а «лишь кучке олигархов-тузов», Ленин полагал, что реакционность этой политики, замедляющей, по его мнению, процесс капиталистического развития страны, сказывается в России с особой силой. Необходимым условием ускорения процесса развития капитализма в России, а значит, и «того процесса, который несет средства избавления от капитализма», Ленин считал свободу торговли [9, с. 457–458].

Отношение представителей аграрных интересов к промышленному протекционизму, пожалуй, наиболее полно отразилось в материалах местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, свод трудов которых был опубликован в 1904 г. По мнению многих комитетов, правительственная политика, «направленная на поднятие капиталистической промышленности, ...действует в ущерб сельскому хозяйству». Свою позицию они мотивировали тем, что сельское население, прежде всего, крестьянство, являясь главным потребителем промышленной продукции, вынуждено покупать товары по явно завышенным ценам. Это же увеличивает затраты на производство сельскохозяйственной продукции, что неизбежно ведет к ее удорожанию и снижению конкурентной способности на мировом рынке [16, с. 62]. Кстати, по этой же причине многие сельхозпроизводители были недовольны и финансовой реформой Витте, приведшей к укреплению рубля и тем самым затруднившей экспорт [14, с. 363]. Кроме того, российский протекционизм по отношению к промышленности вызывал в европейских странах, прежде всего в Германии, ответные меры — протекционизм по отношению к местному сельскому хозяйству, что заставляло российских экспортеров еще более снижать цены, неся при этом ощутимые убытки [16, с. 62–63]. Промышленность поддерживается не только высокими пошлинами, «но и разными льготами и субсидиями». На поддержку промышленности направляются все государственные ресурсы, ей предоставляется широкий и доступный кредит, выгодные казенные заказы. «Сотни миллионов..., собранных с земледельцев, пошли на субсидии различным заводам», миллиарды затрачены на железнодорожное строительство,

«необходимое в интересах той же промышленности, главным образом – железодобывающей и угольной» [16, с. 76].

Таким образом, по мнению представителей местных комитетов, промышленность насаждается в стране «за счет ослабевших классов земледельческого населения», а фабриканты получили возможность «брать громадную косвенную подать со всего населения России» [16, с. 57]. Благодаря протекционистской системе «земледельцы обречены содержать из своих скудных средств» лишь «небольшую горсть крупных промышленников» [16, с. 77]; в то же время переплачиваемые за промышленные товары огромные суммы «могли бы быть употреблены сельскими хозяевами с большей пользой для самого сельского хозяйства» [16, с. 82]. Аграрии сетовали и на то, что фабрично-заводская промышленность «совершенно отвлекла от земледелия и рабочие руки, и капитал» [16, с. 58]. Необходимо, однако, отметить, что в условиях нараставшего в конце XIX в. аграрного перенаселения и, вследствие этого, обострения проблемы крестьянского малоземелья отток рабочих рук в города был благом, отчасти смягчая остроту кризиса в российской деревне.

Еще один аргумент, выдвигаемый комитетами и свидетельствующий о необходимости отказа от покровительственной политики, заключается в том, что промышленность навязана России искусственно в противоположность естественному, органическому ее развитию на Западе, где спрос на промышленную продукцию создавался благодаря потребностям земледелия. «В Европе фабрики и заводы развились на основах обогащения народа, через развитие и богатство земледелия», в России же, напротив, «предполагают обогатить народ путем привлечения его в искусственно созданную фабричную и заводскую промышленность». Указывая на то, что необходимым условием для существования каждого предприятия является обеспеченный рынок сбыта его продукции, аграрии полагают, что российская индустрия не имеет перспектив, не будучи вызвана рыночными потребностями; рынок же будет создаваться постепенно, по мере увеличения покупательной способности населения – при условии «улучшения экономического положения большинства населения, то есть земледельческих классов». Таким образом, именно поддержка сельскохозяйственного производства должна быть «первою мерою к развитию в России промышленности» [16, с. 59–60].

Следует отметить также, что позиция части сельских хозяев свидетельствует о неприятии ими не только форсированной, но вообще всякой индустриализации. Так, заявление представителей нижегородского комитета о том, что развитие промышленности вовлекает людей «в безобразную фабричную жизнь, которая не только не обогащает массы народа, а, напротив, дает лишь самый ничтожный притон какому-нибудь одному или двум миллионам рук, бросивших землю...

правильный здоровый труд и ведущих безобразную жизнь на фабрике, внося в дом, в конце концов, только болезни и растление нравов», не оставляет сомнений в желании его авторов законсервировать архаичный экономический строй [16, с. 59].

Однако приведенные выше мнения относительно покровительственной политики правительства, хотя и преобладали в местных комитетах по делам сельскохозяйственной промышленности, были все же не единственными даже в этой среде. Многие из членов этих комитетов осознавали, что развивать отечественную индустрию необходимо, так как только в этом случае «потенциальные естественные богатства страны могут быть превращены в действительные, и возможно правильное развитие государства как финансового целого», хотя и при условии признания России страной преимущественно земледельческой [16, с. 93]. Не окрепшая еще российская промышленность не способна выдержать конкуренции с иностранной, поэтому преследуемая министерством финансов цель, по мнению представителей Смоленской губернии, «может вызвать только сочувствие, даже и в сельскохозяйственной среде», несмотря на то, что она не может быть достигнута без некоторых временных жертв со стороны деревни. Члены орловского комитета полагают, что только промышленное развитие обеспечит формирование в стране капиталов, которые затем поднимут и уровень сельскохозяйственного производства [16, с. 94]. Лишь продолжение устойчивой покровительственной политики правительства, по мнению киевского комитета, обеспечит развитие в стране сельскохозяйственного машиностроения и производства удобрений. Представители Казанской губернии считают, что особенно необходимо поощрение тех отраслей промышленности, которые тесно связаны с сельским хозяйством, поскольку в перспективе это приведет и к повышению доходности земли в результате улучшения ее обработки.

В материалах других комитетов отмечается, что «теперь уже результаты охранительной пошлины сказались, орудия...стали значительно дешевле и качеством приближаются к заграничным», поэтому в перспективе Россия сможет полностью отказаться от импорта сельскохозяйственной техники [16, с. 98]. Отказ же от протекционизма привел бы не к удешевлению товаров, а к кризису и банкротству многих заводов и фабрик, разорению банков, падению кредита, обесцениванию земель, безработице и голодовке нескольких миллионов рабочих и т.д. Кроме того, резкое сокращение таможенных доходов вынудит государство восполнять его увеличением налогообложения того же сельского хозяйства [16, с. 103–104].

Как видим, определенная часть аграриев, прежде всего представители регионов с наиболее эффективно ведущимся сельским хозяйством и, следовательно, максимальным спросом на технику, удобрения и другие промышленные товары, поддерживали протекционистс-

кую политику, поскольку уже к началу 1900-х гг. ощутили ее реальные позитивные результаты.

Пожалуй, основными оппонентами покровительственной политики Витте являлись представители поместного дворянства. Значительная (если не большая) их часть выступала против политики капиталистической модернизации в принципе, видя в этом курсе угрозу своим жизненным интересам и подвергая Витте постоянным нападкам. Точку же зрения тех представителей поместного дворянства, кто, не выступая против политики индустриализации в принципе, подвергал резкой критике методы проведения этого курса правительством России, достаточно полно выразил крупнейший консервативный публицист и общественный деятель К.Ф. Головин. По его мнению, «одностороннее направление финансовой политики, озабоченной быстрою надстройкою второго промышленного этажа над разваливающимся зданием сельскохозяйственного производства, приводит к поразительному контрасту между расширением экономической деятельности государства и застоём развития внутри этого самого государства, — застоём, обнаружившимся ярко...» [4, с. XII]. Результатом этой политики стала парадоксальная ситуация: «у бедного и не предприимчивого народа богатое и очень деятельное правительство. Страна, главный промысел которой падает, может снабжать свои центральные органы все растущими денежными средствами». И цель, казалось бы, достигнута: в стране, где отечественные капиталы накапливаются медленно, где еще медленнее разрабатываются собственные природные богатства и практически отсутствует прогресс в «главном промысле» — сельскохозяйственном производстве — искусственно вызваны признаки экономического оживления. Однако правительство забывает при этом о главном — для успешной индустриализации необходимо, «чтобы одновременно с промышленностью росло и производство сырья [под сырьем здесь подразумевается, главным образом, используемая в промышленном производстве сельскохозяйственная продукция — С.Б.], и росло не только в ширь, но и в глубину», так как, во-первых, перерабатывать отечественное сырье выгоднее, чем импортное, во-вторых, для обеспечения устойчивости международного экономического положения страны и прочности национальной валюты необходимо стремиться к достижению максимально активного расчетного баланса, и, в-третьих, молодой российской индустрии, не имеющей возможности экспортировать сколь-нибудь значительную часть своей продукции, необходим емкий внутренний рынок, который может предоставить ей только отечественное земледелие. Таким образом, делает вывод К.Ф. Головин, в основу здорового экономического роста должно быть поставлено развитие сельского хозяйства; а именно этого в России и не было сделано [4, с. XII–XIII].

Оппозиция правительственному курсу со стороны дворянства была достаточно мощной. Однако, как справедливо отмечает А.П. Корелин, «дворянские силы... оказались разрознены в результате различного понимания как особенностей нового времени, так и задач высшего сословия в изменившихся условиях, а потому сама дворянская программа оказалась лишенной внутреннего единства и цельности» [8, с. 84–85]. В значительной степени именно поэтому С.Ю. Витте удавалось в целом последовательно проводить свою линию.

Интересна позиция по вопросу о влиянии протекционизма на сельское хозяйство выдающегося российского ученого М.М. Ковалевского. Он полагал, что Россия «самою природой своей... и характером занятий массы своего населения призвана быть прежде всего и преимущественно крупным производителем сырья» (то есть сельскохозяйственной продукции); и все утверждения промышленников о том, что Россия уже перестала быть земледельческой страной, поскольку совокупная стоимость продукции промышленных предприятий ежегодно превышает стоимость производимого сельским хозяйством, свидетельствуют лишь «об аномалии, объясняемой чрезмерным покровительством, каким пользуется мануфактурная промышленность», а одним из проявлений этой аномалии является ценовой диспаритет. Ковалевский убежден, что на такой важный вопрос, как «должно ли жертвовать интересами земледелия ради нарождающейся индустрии», следует дать однозначно отрицательный ответ, поскольку российская промышленность никогда не сможет обеспечить работой все 130-миллионное население империи; соответственно, считать индустриализацию панацеей для России было бы крайне опасным самообольщением [7, с. 11–12].

Но в то же время «не менее химерично было бы и говорить, что промышленность вовсе не способна к естественному развитию, потому только, что ей некуда сбывать свои продукты, т.к. мировые рынки заняты... Какого еще желать лучшего рынка для нашей промышленности, как не того, который представляет население, удваивающееся каждые пятьдесят лет» [7, с. 13] – заявляет Ковалевский, опровергая тем самым ключевой аргумент неонародников. Как раз ради обеспечения устойчивого сбыта продукции промышленных предприятий государству следовало бы озаботиться обеспечением благосостояния потребителей – крестьян.

Таким образом, по убеждению Ковалевского, Россия на рубеже XIX–XX вв. оставалась очень далека от устойчивого баланса «между развитием промышленности и прогрессивным поднятием народного благосостояния»; большинство отраслей промышленности существовали «лишь для удовлетворения спроса небольшого числа зажиточных людей». Поэтому основной задачей государства он считал повышение «благосостояния наших трудящихся классов», прежде всего крестьян-

ства, и создание тем самым в их среде совершенно новых потребностей, которые, в свою очередь, обеспечили бы устойчивый рост отечественной индустрии и создание миллионов новых рабочих мест [7, с. 214].

Итак, очевидно, что имевшая немало издержек покровительственная система была весьма болезненной для сельских жителей; в сочетании с мощным налоговым прессом (особенно тяжелы были косвенные налоги) протекционистская политика способствовала дальнейшему ухудшению экономического положения российской деревни, на что не могли не обращать внимания оппозиционеры, в том числе либералы. В то же время первые позитивные результаты правительственного курса стали ощущаться уже к концу последнего десятилетия XIX в. Повысилось качество и увеличился ассортимент производимых отечественными промышленными предприятиями товаров, в том числе предназначенных для использования в сельском хозяйстве (хотя в полной мере это стало очевидно лишь в годы нового промышленного подъема уже после Первой российской революции), началась конкуренция между российскими промышленниками. В связи с этим приходило и осознание необходимости определенных жертв ради превращения России в страну с высокоразвитой индустрией.

Кроме того, едва ли возможно признать правомерными упреки правительству в том, что оно не оказывало никакой поддержки отечественным сельхозпроизводителям, нанося им в то же время колоссальный ущерб покровительственной политикой по отношению к промышленности. Следует отметить, что пошлины на сельскохозяйственную технику и удобрения, не производившиеся в стране, в конце 1890-х гг. были существенно снижены [11, с. 534]. Таким образом, одно из наиболее негативных последствий протекционизма было ликвидировано. Сторонники политики индустриализации справедливо указывали, что вознившая промышленность не только предоставила многим крестьянам возможность дополнительных заработков в городах, но и привела к серьезному росту оплаты труда сельских рабочих (в результате на рубеже 1890–1900-х гг. многие землевладельцы столкнулись с совершенно новой для себя проблемой – нехваткой сезонных работников [13, с. 1153–1154]). Следует также отметить, что отток рабочих рук в города снижал остроту проблемы малоземелья (пусть и относительного).

Ценой немалых усилий С.Ю. Витте все-таки удалось отстоять необходимость продолжения протекционистской политики. Изданное в 1900 г. Высочайшее повеление провозглашало, что «твердость и последовательность в делах экономики и народного хозяйства, если не более, чем в других отраслях государственного управления, то в равной мере составляют главнейшее условие успеха», а потому преждевременный отказ от покровительственной политики недопустим². Вы-

---

² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1–1 об.

сочайшим Повелением признавались «начала, положенные в основание тарифа 1891 г., подлежащими сохранению в незыблемой целости, с допущением и впредь неизбежного для удешевления продуктов обрабатывающей нашей промышленности участия в развитии или создании тех или других ее отраслей иностранных капиталов и предпринимателей»³.

Отметим в заключение, что возвращение к промышленному протекционизму в первой половине 1900-х гг. целого ряда европейских стран, более экономически развитых, чем Россия, явилось доказательством несостоятельности представлений о том, что эта политика является уделом лишь слаборазвитых государств. Во многом именно по этой причине, начиная с середины 1900-х гг., дискуссия о протекционизме постепенно становится все менее оживленной. На передний план выходили иные проблемы, и прежде всего, вопрос о выборе стратегии развития аграрного сектора российской экономики.

Литература

1. *В.В. Генри Джордж о протекционизме // Северный вестник. 1886. № 12.*
2. *Витте С.Ю. Лекция, читанная 7 апреля 1910 г. в актовом зале института инженеров путей сообщения // Витте С. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. СПб., 1910.*
3. *Витте С.Ю. О необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики Империи. Всеподданнейший доклад // Материалы по истории СССР. Т. VI. М., 1959.*
4. *Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899.*
5. *Дякин В.С. Выбор пути экономического развития России (конец XIX – начало XX в.) // Реформы или революция? Россия 1861 – 1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992.*
6. *Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.*
7. *Ковалевский М. Экономический строй России. СПб., 1900.*
8. *Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998.*
9. *Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // ПСС. Т. 1.*
10. *Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995.*
11. *Министерство Финансов. 1802 – 1902. Ч. II. СПб., 1902.*

---

³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1028. Л. 4–4 об.

12. *Николай -он.* Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское Богатство. 1894. № 4.
13. Рабочие руки // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1900. Т. II. № 20.
14. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000.
15. *Соловьёва А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.
16. Финансовая политика и таможенное покровительство. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904.
17. *Чернов В.М.* Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское Богатство. 1900. № 4.